

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343.214
doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-78-89

Михаил Матвеевич Бабаев

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>, babaevmm@yandex.ru

*Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25*

Юрий Евгеньевич Пудовочкин

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, 11081975@list.ru

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9*

Судебное толкование уголовного закона: вопросы теории

Аннотация: Толкование закона в судебной деятельности, а равно поиск специфических особенностей толкования уголовного закона, относятся к разряду тем, актуальность которых в современных условиях многократно возрастает. Противоречие между нарастающими процессами сверхкриминализации и ростом обеспокоенности по поводу соблюдения прав и свобод человека актуализирует статус толкования как одного из важнейших аспектов юридической деятельности, прямо обеспечивающих верховенство права в уголовно-правовых отношениях.

В любом нормативном тексте всегда сосредоточено множество субъективных смыслов, только один из которых объективно может быть положен в основу судебного решения. На основе обобщения сложившихся подходов к пониманию толкования закона выделяются две его базовые модели – модель презентации парламентского смысла и модель презентации судебного смысла закона. Доказывается, что правоприменение определено именно судебным смыслом закона, установление которого в процессе толкования выступает значимым компонентом судебной правовой политики. Работа по уяснению смысла уголовного закона обладает спецификой, предопределённой публичным характером отрасли уголовного права, который накладывает свой отпечаток на образ действий суда в пределах реализации принципа разделения властей. Однако эта специфика не может состоять, как это принято считать в науке, в ограничении используемых судом методов толкования или установлении жёсткой иерархической последовательности применения методов толкования.

Специфика толкования уголовного закона должна быть определена не методами толкования, но принципами уголовного права. Их содержание, в свою очередь, должно раскрываться через обращение к целям уголовно-правового регулирования. По итогам исследования установлено, что общий подход к толкованию уголовного закона, которое, будучи в приоритетном порядке буквальным, должно сочетать ограничительное понимание любых правоограничений и широкое понимание любых защит от обвинения в преступлении.

Ключевые слова: уголовный закон, толкование уголовного закона, методы толкования закона, принципы уголовного права, цели уголовного права

Для цитирования: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Судебное толкование уголовного закона: вопросы теории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (96). – С. 78–89; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-78-89.

Mikhail M. Babaev

Dr. Sci (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>, babaevmm@yandex.ru

*Russian Research Institute
of the Ministry of the Interior of Russia
25, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation*

Yuri E. Pudovochkin

Dr. Sci (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>, 11081975@list.ru

*Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 117418, Russian Federation*

Judicial interpretation of the criminal law: questions of theory

Abstract: The interpretation of the law in judicial activity, as well as the search for specific features of the interpretation of the criminal law, belong to the category of topics whose relevance in modern conditions is increasing much. The contradiction between the growing criminalization and the increasing concern about the observance of human rights and freedoms actualize the status of interpretation as one of the most important aspects of legal activity, directly ensuring the rule of law in criminal law relations.

In any law-making text, there are always a lot of subjective meanings, only one of which can objectively be the basis of a judicial decision. Based on the generalization of the existing approaches to understanding the interpretation of the law, two of its basic models are distinguished - the model of the presentation of the parliamentary meaning and the model of the presentation of the judicial meaning of the law. It is proved that law enforcement is determined precisely by the judicial meaning of the law, the establishment of which in the process of interpretation is a significant component of judicial legal policy. Understanding the meaning of the criminal law has a specificity being predetermined by the public nature of the branch of criminal law, this impresses the course of action of the court within the framework of the implementation of the principle of separation of powers. However, this specificity cannot consist of, as it is commonly considered to be in science, in limiting the methods of interpretation used by the court or establishing a rigid hierarchical sequence in the application of methods of interpretation.

The specificity of the interpretation of the criminal law should be determined not by the methods of interpretation, but by the principles of criminal law. Their content, in turn, should be revealed through an appeal to the goals of criminal law regulation. According to the results of the study, the general approach to the interpretation of the criminal law, which being literal as a matter of priority, should combine a restrictive understanding of any legal restrictions and a broad understanding of any defenses against a charge of a crime.

Keywords: criminal law, interpretation of criminal law, methods of interpretation of the law, principles of criminal law, goals of criminal law

For citation: Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E. Judicial interpretation of the criminal law: questions of theory // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 4 (96). – P. 78–89; doi: 10.35750/2071-8284-2022-4-78-89.

Введение

Необходимость научного мониторинга проблемы толкования закона вообще и судебного толкования в частности определяется несколькими цивилизационно значимыми обстоятельствами:

– во-первых, кардинальными правовыми реформациями роли и места суда в системе органов государственной власти и в правовой системе России, которые начались в конце XX века и которые состоят в обретении судом подлинной независимости, предписанной принципом разделения властей, что диктует необходимость теоретического осмысления и функционального назначения судебной системы, и самого понятия «правоприменение»;

– во-вторых, противоречивыми процессами правовой глобализации, трансплантации и отторжения правового опыта иностранных государств, сближения и размежевания правовых систем, которые сопровождаются среди прочего внедрением идентичных правовых конструкций в правовые системы государств, имеющих различные традиции и опыт функционирования судов;

– в-третьих, чрезвычайно возросшей скоростью трансформации уголовного закона, причём как в части появления новых уголовно-правовых норм, ранее неизвестных судебной практике, так и в части многократного изменения, зачастую противоречивого и непоследовательного, правовых норм, которые можно отнести к разряду традиционных.

Общий обзор научных источников позволяет установить, что среди специалистов нет существенных расхождений во взглядах по поводу понятия судебного толкования и его способов. Вместе с тем наблюдаются значимые методологические расхождения в вопросах политико-правовой оценки результатов и пределов судебного толкования, его роли и места в правовом регулировании, разработки методологии судебного толкования.

«Смысл» или «смыслы» закона

Рефреном едва ли не всех теоретических рассуждений о законе и праве звучит мысль о том, что закон должен быть сформулирован ясно, чётко, определённо, недвусмысленно, полно, адекватно, объективно и т. д. Очевидно, что эти требования обращены к созданию некоей идеальной модели закона, которая, как и любой идеал, недостижима. Но даже в гипотетической ситуации создания идеального закона его применение судами требует предварительного уяснения смысла нормативных положений, что свидетельствует о вечно существующей и не зависящей от качества закона проблеме соотношения текста нормативного правового акта и смысла отражённых в этом тексте правовых предписаний. Поиск смысла закона на основе толкования его текста – важнейшая задача суда.

Еще в середине прошлого столетия Г. Кельзен писал: «Требование юридической техники состоит в том, чтобы правовая норма была

сформулирована как можно более чётко, чтобы её смысл не вызывал сомнений. Однако, поскольку правовые нормы в основном написаны человеческим языком, а человеческий язык часто неоднозначен, это требование может быть сформулировано лишь приблизительно. Поэтому очень часто в правовой норме можно найти несколько значений. Доктрина о том, что правовая норма имеет фактически только одно значение и что существует научный метод, который позволяет всегда находить это единственное правильное значение, является фикцией, используемой традиционной юриспруденцией для поддержания иллюзии правовой безопасности» [1, с. 201–202].

Действительно, если бы в норме права был скрыт один единственно возможный смысл, сама потребность в дискуссии по поводу толкования закона была бы явно не столь значимой, каковой она сегодня представляется. Если норма права предполагает наличие единственного смысла, и этот смысл неотделим от текста закона, сам смысл превращается в некоторую онтологическую реальность. Применение различными субъектами (судом, следователем, адвокатом, учёным-исследователем и т. д.) стандартного набора методов познания этой реальности приводило бы всех к одному и тому же результату. В случае если бы результат познания нормы различными субъектами различался или если применение различных методов познания одним и тем же субъектом приводило бы к различным результатам, можно было бы смело утверждать либо об ошибке в применении метода познания, либо о применении неадекватного объекту метода, либо о сознательном, субъективно мотивированном искажении действительности.

Наличие в правовой норме единственно возможного смысла предполагает постановку вопроса о толковании как деятельности, направленной исключительно на его выявление, но не на конструирование. Однако в реальности мы с неизбежностью сталкиваемся с рядом обстоятельств, опровергающих это допущение. Во-первых, сложно объяснимыми становятся многочисленные ошибки судебной практики, связанные с неправильным применением уголовного закона. Во-вторых, во многом излишними и неоправданными выглядят непрекращающиеся научные исследования, посвящённые вопросам толкования одних и тех же правовых норм. В-третьих, необъяснимым выглядит и периодический пересмотр Пленумом Верховного Суда РФ своих же рекомендаций по вопросам толкования закона и квалификации преступлений на фоне неменяющегося текста Уголовного кодекса РФ.

Сказанное может служить достаточными аргументами в пользу признания очевидного факта: любой закон, любая правовая норма потенциально скрывают в себе множество возможных смыслов. Это расхождение текста и смысла выступает основной точкой опоры герменевтической философии и развитой во многом на её основе коммуникативной теории

права, чьи авторитет и значимость в современном социальном, гуманитарном и правовом знании вряд ли можно оспорить. По большому счёту можно утверждать, что в тексте уголовного закона заложено столько смыслов и значений, сколько субъектов возьмется за его интерпретацию и толкование. Если ограничиваться нормативной и правоприменительной сферой, то как минимум можно говорить о смыслах, которые вкладывает в закон сам законодатель, суд, сторона обвинения и сторона защиты. Поиск смыслов закона таким образом есть не только увлекательная научная задача, но и насущная проблема правоприменительной практики.

Теоретические модели поведения суда при установлении смысла закона

Множество смыслов в законе ставит для суда непростую задачу – выбрать тот, которым он будет руководствоваться. В практическом отношении эта задача включает в себя поиск ответов на два вопроса: а) следует ли суду стремиться к установлению аутентичного, то есть парламентского смысла закона, руководствуясь содержанием законодательного намерения, или же он должен истолковать закон таким, каков он есть согласно официальному тексту, руководствуясь собственными представлениями о существе и назначении закона; б) следует ли суду толковать закон исключительно буквально или же допустимо контекстуальное толкование закона, с учётом не только его места в системе правовых предписаний, но и условий социальной, политической, экономической, культурной и т. д. реальности текущего момента.

В современной науке и правоприменительной практике однозначного понимания ответов на эти вопросы не существует. Максимально упрощая ситуацию, можно обозначить два типовых, модельных решения проблемы. Условно назовем их «модель презентации парламентского смысла» и «модель презентации судебного смысла» (см. табл. 1):

а) Модель презентации парламентского смысла закона

Эта модель, насколько мы можем судить, пользуется особенной популярностью в российской системе права и правосудия. Если предположить, что задача суда состоит только в практическом воплощении законов, содержание и смысл которых определяются исключительно парламентом, если довести почти до Абсолюта принцип разделения властей, то надо очевидно признать, что в процессе правоприменения суд, с одной стороны, толкуя «букву закона», должен подчеркнута руководствоваться законодательным намерением, не привнося от себя ничего, что могло бы хоть как-то и хоть в чём-то расходиться с этим намерением, а с другой стороны, должен выявить волю, намерение законодателя посредством грамматического, логического, системного толкования текста закона. Буквальное толкование закона в соответствии с законодательным намерением в таком случае выступает единственно верным и единственно допустимым.

В рамках рассматриваемой модели понимание законодательной воли не отличается единообразием. Можно выделить как минимум два существенно различающихся, хотя и способных к сосуществованию подхода.

Первый состоит в отождествлении воли законодателя и его намерения (цели) в момент принятия закона. При этом намерение законодателя, как показывают некоторые исследования, не является неуловимым и эфемерным, оно реально и вполне может быть установлено [2; 3]. В многочисленных решениях Конституционного Суда РФ содержится масса свидетельств выявления этого намерения, прежде всего на основании Пояснительных записок к законопроектам. Сознательно не останавливаясь сейчас на проблеме их качества и содержания, отметим, что дополнительным источником выявления воли законодателя в данном случае могут служить материалы обсуждения законопроекта в соответствующих комитетах и комиссиях

Таблица 1

Модели толкования

	Модель презентации парламентского смысла закона	Модель презентации судебного смысла закона
«Закон»	то, что сказал или намеревался сказать законодатель	то, что сказал суд
«Правовая норма»	объект толкования	итог толкования
«Роль суда»	правотолкование и правоприменение	правотолкование, правоприменение и правотворчество
«Восполнение закона»	альтернативно: а) не допускается; б) допускается путём распространительного или ограничительного толкования; в) допускается при буквальном толковании закона и применении принципов права	допускается относительно свободно
«Политика»	отсутствует в деятельности суда	формируется область судебной политики

Государственной Думы РФ, результаты сопоставления текстов законопроектов, обсуждаемых в первом и последующем законодательных чтениях, таблицы поправок к законопроектам, официальные отзывы на законопроект, стенограммы парламентских заседаний и т. д.

Второй подход различает намерения и волю. Воля законодателя в данном случае усматривается не в том, что хотел сказать законодатель в тексте нормативного правового акта, а в том, что он действительно сказал. Как пишет П. С. Яни: «Что бы ни имели в виду авторы законопроекта при создании нормы (как это может быть установлено из пояснительных записок, материалов обсуждения в законодательном органе и т. п.), но если в итоге предложенное ими и закреплённое в законе описание группы реальных жизненных фактов соответствует иному, применяться норма может только в соответствии с написанным, а не с желаемым» [4, с. 56–57].

Различия в толковании понятия «воля законодателя», понятны: закон – это то, «что хотел сказать законодатель» или то, «что сказал законодатель». Но повторим: эти различающиеся подходы вполне могут сосуществовать в рамках теоретических построений. При этом, как правило, обращение к выяснению намерений авторов закона мыслится как дополнительная исследовательская процедура в случае, когда в выяснении смысла закона, исходя из его буквального текста, возникают некоторые затруднения. В любом случае толкование здесь мыслится как выяснение законодательной воли, то есть смысла закона, который заложен в нём самим законодателем.

О недопустимости придания закону смысла, противоречащего аутентичному (то есть заложенному самим законодателем) смыслу, цели законоположений и сути возникающих на их основе правоотношений вполне определён неоднократно высказывался Конституционный Суд РФ¹.

Вместе с тем изучение судебной практики по уголовным делам не позволило нам найти хотя бы одно судебное решение, в тексте которого суд аргументировал бы свою позицию, ссылаясь именно на волю или намерение законодателя. Это не означает, между тем, что соответствующие понятия суду неизвестны или, тем более, что они им игнорируются.

¹ По делу о проверке конституционности подпункта «к» пункта 1 статьи 5 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Конфетти» и гражданки И. В. Савченко : постановление Конституционного Суда РФ от 28 марта 2000 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2020. – № 4; По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики : постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2014 г. № 26-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 1.

Так, например, рассматривая дело об административном правонарушении и отменяя постановление суда, которым К. был признан виновным в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ, на том основании, что находился на улице без средств индивидуальной защиты органов дыхания (маски, респиратора), Верховный Суд Республики Татарстан, исследовав содержание самого КоАП РФ и корреспондирующих ему иных нормативных правовых актов, указал (дословно): «Анализ приведённого правового регулирования свидетельствует о том, что воля законодателя, предпринявшего меры к введению запретов и ограничений в различных сферах жизнедеятельности человека, была направлена на снижение риска передачи новой коронавирусной инфекции в контактно-социальной среде. Поэтому не во всех случаях передвижение в общественном месте без средств индивидуальной защиты идёт вразрез с установленным в регионе режимом повышенной готовности. Если пребывание граждан в общественном месте без маски (респиратора) не сопровождалось взаимодействием с иными лицами и (или) предметами, вещами и товарами, к которым имеется общий доступ, то ... оно не посягает на отношения в области общественной безопасности»².

Выявление и установление судом воли законодателя в рамках рассматриваемой модели мыслится как вполне реальная задача. Предполагается, что, буквально толкуя закон, суд объективно разъясняет волю законодателя, причём такое разъяснение оказывается под силу как высшему судебному органу страны, так и судам нижестоящих инстанций. Этой воле должен быть подчинён весь правоприменительный процесс, а отклонение от неё – это правоприменительная ошибка.

Множество субъектов-интерпретаторов воли законодателя в данном случае не рассматривается как существенная проблема при условии, что все эти субъекты (все суды) выражают волю законодателя единообразно. Консенсус судебной практики и отсутствие возражений со стороны самого законодателя (в форме коррекции правовых норм) рассматривается как свидетельство того, что суды верно обнаружили и верно следуют намерениям законодателя.

В том случае, если в интерпретации судами законодательной воли обнаруживаются разночтения и эти разночтения не являются свидетельством ошибки суда, вопрос о справедливости и точности того или иного толкования приобретает особенное значение. Такие разночтения могут касаться двух основных ситуаций: во-первых, признания наличия или отсутствия пробела в праве, и во-вторых, признания допустимости двух или более вариантов толкования содержания нормы права. Именно эти ситуации демонстрируют «слабое место» рассматриваемой модели толкования закона: возможность

² Верховный Суд Республики Татарстан. Решение от 8 июля 2020 г. по делу № 5-250/2020.

суда «говорить от имени» законодателя демонстрирует потенциальную возможность «говорить вместо законодателя».

Необходимость выработки универсальных правил преодоления этих сложностей предполагает учёт одного из главных противоречий в области толкования закона, возникающих между, с одной стороны, требованиями принципа разделения властей, не допускающими подмены парламента судом, а с другой стороны, недопустимостью отказа в праве и правосудии даже в ситуации неполноты и неясности закона. Обращаясь к этому вопросу, Конституционный Суд РФ высказался следующим образом: «Если взаимоисключающие варианты толкования одной и той же нормы (продиктованные, помимо прочего, различиями в её понимании при сопоставлении с другими нормами) оказываются не лишёнными определённого юридического обоснования, укладываемого в конституционные рамки законодательного усмотрения, а единая судебная практика применения такой нормы не сформирована, установление её действительного юридического содержания даже с помощью обращения к конституционным целям и принципам может оказаться весьма затруднительным. В подобной ситуации *наиболее корректным способом* (выделено нами – М. Б., Ю. П.) выявления намерений законодателя при введении соответствующего правового регулирования является – во исполнение принципа разделения властей – законодательное уточнение нормативных положений, неясность (неоднозначность) которых, не преодолимая средствами юридического толкования, создаёт серьёзные препятствия для полноценного обеспечения принципа равенства перед законом и судом в процессе их применения»³.

Обратим внимание на словосочетание – «наиболее корректным». Оно предполагает, что вмешательство законодателя в разрешение противоречия является наиболее правильным, наиболее желательным, предпочтительным. Но вместе с тем оно не исключает, что могут существовать и «наименее корректные» способы выявления воли и намерений законодателя. Они, согласно тексту решения Конституционного Суда РФ, не исключаются категорически из области правового регулирования и правоприменения. И эти способы, очевидно, связаны с судебным толкованием закона.

³ По делу о проверке конституционности части 5 статьи 36 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» в связи с запросом Северо-Кавказского окружного военного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2018 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2018. – № 4; По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н. Д. Вордена и П. Д. Олджэма : постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 6.

Отношение же к толкованию закона при ошибках и неточностях закона у специалистов, выстраивающих свои рассуждения в рамках рассматриваемой нами модели толкования, весьма различно. Некоторые допускают возможность корректировки объёма закона посредством толкования за счёт таких его видов, как распространительное или ограничительное [5, с. 28], другие авторы, возражая против распространительного, ограничительного толкования закона и применения его по аналогии, доказывают, что в рассматриваемых сложных случаях имеет место не восполнение пробелов закона судом, а «толкование и применение судом принципов и норм права, содержащихся в иных формах национального или международного права» [6, с. 19].

Как бы то ни было, при любом подходе деятельность суда в ситуациях неточности, неясности, неполноты законов акцентированно противопоставляется деятельности правотворческой, ибо никакой интерпретатор не может служить заменой законодателю для изменения смысла нормы, но он может заполнить лакуны, когда любая другая возможность исчерпана [7].

Очевидно, что такие подходы к пониманию толкования закона и оценке роли суда не оставляют, по большому счёту, места для рассуждений о «судебном правотворчестве», «судебном праве» и «судебной правовой политике». Суд в рамках таких построений – предельно дистанцированный от законодательной практики орган, выполняющий в рамках государственного аппарата, основанного на принципе разделения властей, исключительную функцию применения норм права, и по умолчанию наделённый возможностью выявлять на основе текстов нормативных правовых актов и принципов права волю парламента, «говорящий от имени парламента» орган, реализующий выработанную им правовую политику.

б) *Модель презентации судебного смысла закона*

Эта модель основана на двух теоретических допущениях.

Во-первых, на явном или неявном различии и порой противопоставлении права и закона. Эта идея хорошо знакома специалистам. Применительно к проблеме толкования она преломляется в дискуссию о том, является ли содержание правовой нормы исходной точкой в толковании или его итогом. Толкование закона, правовых норм, отмечают исследователи, зависит от того, какое значение мы придаём понятию нормы. Норма может быть определена как нормативный текст, но в то же время может восприниматься как его содержание, установленное по итогам толкования закона; в этом случае норма является не объектом интерпретационной деятельности, а её результатом [8]. Понятно, что правовая норма, если понимать её как итог толкования текста закона, не может быть «дана нам в непосредственных ощущениях»; она всегда есть некая мысленная конструкция. И в этом отношении она объединяет собой сам текст,

результат его интерпретации и аргументы, положенные в её основу. В понятии толкования интерпретация и аргументы нерасторжимы, потому что интерпретация, которая не аргументируется, – это не подлинная интерпретация, а интуитивное понимание [9]. Отсюда – один шаг до признания интерпретатора текста закона соавтором правовой нормы. Об этом прямо пишут некоторые специалисты: закон не является полноценным источником права, и суды возводят здание права наряду с законодателем, «право – результат совместной работы законодателя и судов» [10].

Вторая предпосылка связана с относительно «мягким» прочтением принципа разделения властей, признанием более широкой функциональной роли суда в государстве. «Разделение властей пользуется большим почтением в нашей политической и судебной риторике, – отмечают юристы, – но всегда было трудно классифицировать всю деятельность правительства на три и только три, аккуратно и взаимно эксклюзивные категории» [11, р. 1307]. В этой связи предполагается, что правотворчество не является исключительно парламентской функцией, а суд, выполняя своё прямое предназначение – отправляя правосудие, имеет возможность участвовать в правотворческом процессе, причём не просто участвовать в процессе принятия законов парламентом в качестве «внешнего эксперта», но и самостоятельно творить, создавать правовые нормы, быть их автором. Разумеется, эта возможность суда мыслится не как его главная функция (уважение к принципу разделения властей этого не допускает), но как функция, с одной стороны, «побочная», которая проявляется в сложных ситуациях неясности и неполноты законов, а с другой стороны, вполне «имманентная», поскольку задача суда видится не столько в формальном применении законов, сколько в защите права, прав человека и в обеспечении справедливости. Следовательно, в тех ситуациях, когда применение нормативного правового акта в его буквальном истолковании грозит попранием самого духа и принципов права, суд вправе таким образом интерпретировать закон, применить или отказать в его применении, чтобы справедливость не была нарушена. Подобное истолкование закона предполагает весьма широкую свободу суда в обращении с текстом нормативных источников, вплоть до содержательной коррекции его буквального смысла, что, по сути, предполагает творческую, волевую деятельность суда по созданию оригинальной правовой нормы [12, р. 408].

Исходя из этих предпосылок, сторонниками рассматриваемой модели толкования провозглашается, что суд не только «объявляет» законодательную волю, выявив её в процессе интерпретации закона и действуя в соответствии с ней, но и «формирует» эту волю, адаптируя и приспособляя закон к сложным правоприменительным случаям. Известное высказывание Цицерона о том, что «судья – это говорящий закон, а закон – это немой судья»,

приобретает в данном случае совершенно специфическое звучание. Закон – это не то, что хотел сказать или сказал законодатель, закон – это то, что сказал суд. Выявленный судом смысл текста нормативного акта и становится собственно смыслом закона. Утверждать в данном случае, что суд выявил именно смысл, заложенный в закон парламентом, невозможно по той причине, что результат интерпретации (смысл закона) не может быть оторван от субъекта интерпретации (суда). Суд не может говорить от имени парламента, он говорит сам, от своего имени. Для парламента текст закона – это итог рассуждений, для суда – начало. И то, что скажет суд, толкуя закон, есть слова не парламента, но самого суда. В соответствии с самостоятельно установленным смыслом закона суд и применяет закон, что подчёркивает и гарантирует независимость суда в системе разделения властей и его самостоятельную роль в обеспечении права.

Важно подчеркнуть, что рассматриваемая модель толкования как самостоятельный объект критики не возникает до тех пор, пока само толкование мыслится в качестве исключительно познавательной деятельности, основанной на применении средств лингвистической и систематической интерпретации текста нормативного правового акта, до тех пор, пока толкование остается в границах выяснения буквального значения слов и выражений, использованных законодателем при составлении закона. Однако, когда на результате толкования отражаются итоги деятельности суда по изменению объёма или содержания нормы, возникает и сама эта модель, и сопровождающие её дискуссии о разграничении правотолкования и правотворчества.

Специфическая особенность этой дискуссии состоит, на наш взгляд, не в том, что исследователи по-разному воспринимают сам факт наличия судебного правотворчества в качестве итога правотолковательной деятельности суда, а в оценке этого факта, в признании его допустимости или недопустимости, полезности или разрушительности для правовой системы. Основной вектор критики в данном случае вполне прогнозируем и понятен: судейский активизм, приводящий к судебному правотворчеству, стирает грань между толкованием нормативного текста и формулированием нового текста [13].

Толкование закона как проявление судебной политики

Представленные модели толкования закона принципиально различаются в вопросе, обладает ли суд в процессе толкования хоть сколько-нибудь значимыми возможностями правотворчества? В зависимости от ответа на него и строятся в науке критические теории толкования. Однако стоит обратить внимание, что основой для критики выступает не само по себе толкование, а его итог – приводит или не приводит оно к созданию новой нормы права. Сам процесс толкования при этом выводится за рамки объекта критического анализа, подразуме-

ваясь в качестве неотъемлемой части функционирования суда и процесса правоприменения. Между тем важно признать, что толкование уголовного закона – это деятельность, которая не регламентирована законом. Будучи элементом правоприменения, толкование само по себе не является правоприменительной деятельностью; оно – это познавательная деятельность суда.

Толкование направлено на выяснение смысла закона, выступает условием его применения, и остаётся, если допустимо так выразиться, в полном интеллектуальном и волевом усмотрении суда. Суд сам определяет, какие именно фрагменты текста закона и как именно толковать, какие способы и приёмы толкования использовать, к каким источникам толкования и с какой целью обращаться. Это свобода обращения с толкованием имеет своим следствием и свободу его результатов. Единственное ограничение, которое тут существует, заключается в восприятии судом своей роли в правоприменительном процессе и собственных возможностей в интерпретации текста закона. Ограничение в толковании есть, таким образом, самоограничение суда. Но такое самоограничение есть тоже проявление субъективного выбора. Выбор одной из двух представленных выше моделей толкования закона остаётся выбором суда.

Самостоятельность суда в процессе толкования закона, толкование с учётом собственного опыта, знания, правосознания – всё это предполагает наделение итогов судебного толкования субъективным смыслом. Иными словами, из множества смыслов закона суд выявляет «свой собственный» и применяет правовую норму, руководствуясь именно им.

Из этой посылки всегда исходит Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность тех или иных законоположений, применённых судом, оценивая как «буквальный» смысл закона, так и смысл, придаваемый ему «официальным толкованием» и «сложившейся правоприменительной практикой». Совпадение смысла закона, выявленного судом, со смыслом закона, который вкладывал в него законодатель, является с одной стороны, разделяемой многими целью, но с другой стороны, может мыслиться как вполне случайное явление. Это совпадение смыслов во многом презюмируется как следствие конституционной добропорядочности органов государственной власти, соблюдения ими своей функциональной роли и конституционных ограничений компетенции. Но презумпция эта является, во-первых, вполне опровержимой, а во-вторых, что для нас важнее, – остаётся только презумпцией, то есть предположением, истинность которого не есть объективная реальность, но лишь результат конвенционального соглашения всех участников правотворческого и правоприменительного процесса.

Самостоятельное выявление судом смысла закона в процессе свободного выбора модели толкования, его объекта и способов содержит в себе существенный политический элемент.

Толкование как проявление судебной политики отчетливо проявляет себя при сочетании двух условий.

– Во-первых, когда речь идёт о толковании законов, содержащих неясности, неопределённости, двусмысленности. Разрешение посредством судебного толкования сомнений в содержании закона всегда основано на возможности выбора того или иного смысла закона. Выбор этот определяется не только (а иногда и не столько) факторами, расположенными внутри системы права. Он диктуется среди прочего широким комплексом внеправовых обстоятельств (соображениями справедливости и гуманизма, правосознанием судьи, пониманием и оценкой характеристик социальной среды и целей законодательства и т. д.). Такой выбор и есть основа для проявления судебной политики.

– Во-вторых, когда толкование закона не ограничивается рамками отдельной правоприменительной ситуации. Конституционный Суд РФ признал: «Толкование законодательных предписаний имеет место не только при принятии публично-властного решения в отношении конкретного лица, – оно может быть осуществлено путём разъяснения нормативного содержания того или иного законоположения применительно ко всем правоотношениям, возникающим на его основе, что требует принятия уполномоченным органом соответствующего акта, с тем чтобы довести его до сведения всех субъектов правоотношений, на которых распространяется разъясняемое предписание закона. ... Акт, содержащий разъяснение нормативных правовых актов, будучи направленным на практику правоприменения в целом, а не на конкретное правоотношение, характеризуется повторяющимся, регулярным, а не индивидуально-распорядительным воздействием на общественные отношения»⁴. В случае когда толкованию закона судом придается всеобщее значение, когда такое толкование становится обязательным для всех иных правоприменителей, оно приобретает характер универсального и обязывающего предписания. Неважно при этом, создаётся в процессе толкования новая норма права или не создаётся, сама обязательность итогов толкования делает такое толкование актом политическим.

Особенности толкования уголовного закона

Один из наименее исследованных в теории вопросов состоит в обосновании и поиске особенностей толкования уголовных законов.

⁴ По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 3.

Специфика уголовного права как публичной отрасли, регламентирующей применение самых суровых из всех возможных в правовой системе страны правоограничений, должна по меньшей мере предопределять постановку вопроса о наличии некоторых серьёзных, концептуальных особенностей толкования уголовного закона в части характеристики его пределов, используемых методов, принципов и т. д.

Однако вопрос этот требует обсуждения с момента его постановки. Существует ли в принципе специфика толкования уголовного закона?

Некоторые исследователи подчёркивают, что теоретические основы толкования уголовного права не отличаются от толкования в других отраслях права [14]. В то же время широко распространено мнение, что уголовный закон в силу определяющих уголовное право принципов должен толковаться особым образом, а именно – буквально и в спорных случаях подчёркнуто ограничительно [15].

Представляется, что в обсуждении данного вопроса надо исходить из теоретического понимания сущности толкования закона и характера его связей с теорией и практикой правового регулирования, в частности, надо уточнять, идёт ли речь о толковании как исключительно теоретических упражнениях, подчёркнуто академической деятельности, или же речь идёт о толковании как элементе практической деятельности суда и проявлении судебной политики. При всей взаимосвязи этих оттенков толкования они всё же существенно различаются. Академическая интерпретация уголовного закона более свободна в плане используемых методов и может иметь совершенно различные цели, тогда как толкование уголовного закона судом лишено этой академической свободы и в большей степени связано с канонами судебной политики, правилами применения закона и правовым режимом той или иной отрасли права. Если взять за данность, что частноправовое и публично-правовое, диспозитивное и императивное правовое регулирование суть принципиально отличные режимы, предопределяющие не только строение и содержание правовых норм, но и порядок их применения, то должно быть очевидным, что толкование уголовного закона не может и не должно строиться по тем же самым правилам, что и толкование законов цивилистических. Толкование законов в различных отраслях права, имея общую методологическую платформу в виде конституционных стандартов, должно учитывать специфику самой отрасли, предопределённую в том числе и самими конституционными стандартами правового регулирования. По этой причине толкование уголовного закона как политико-правовая деятельность суда, вне сомнений, обладает определёнными особенностями.

Сами эти особенности зачастую усматриваются в ограниченном наборе методов или способов, допустимых для толкования уголовного закона. Здесь юристы демонстрируют два основных подхода. Первый состоит в под-

чёркнутом дистанцировании от иных, кроме грамматического и систематического, методов толкования уголовного закона, в фактическом отказе от самой возможности их применения [16, с. 35; 17]. Второй подход менее жёсткий. Он допускает применение иных, помимо грамматического и систематического, методов толкования уголовного закона, но исключительно в качестве неосновных, вспомогательных процедур, отводя им последнее место в последовательной иерархии методов толкования [18].

Однако попытки ограничить или ранжировать значимость отдельных методов толкования уголовного закона вряд ли могут быть признаны удачными. Во-первых, сами методы грамматической и логической интерпретации не являются столь уж простыми и однозначными, а их применение также сопряжено с необходимостью «выхода за пределы текста» уголовного закона, о чем убедительно свидетельствует анализ проблем грамматического толкования в контексте обеспечения соответствия национального законодательства нормам и принципам международного права [19], а также известными представлениями об ограниченных возможностях формальной логики в толковании законов и необходимости сочетания формально-логического анализа с категориями диалектики, раскрывающими социально-политическое и социально-экономическое содержание правовых норм в конкретных исторических условиях [20, с. 215–216]. Во-вторых, даже если пренебречь этими сложностями, представленные подходы нельзя признать оптимальными ещё и потому, что будучи перенесёнными из области академических рассуждений на почву правоприменения, они лишаются какой-либо строгой нормативной основы. И нет никаких причин для того, чтобы правоприменитель предпочёл эти теоретические построения иным.

Верным в связи с изложенным представляется замечание М. Кремнитцера: «Критикуя важность и силу доктрины толкования, мы хотим предостеречь от двух тенденций: одномерной концепции толкования, полностью сосредоточенной на одном из методов толкования, как если бы она была всеохватывающей; и мнение о том, что можно определить однозначный и общий порядок предпочтения или приоритета среди различных методов толкования... Суть интерпретации заключается в синтезе различных методов, где интерпретатор владеет всеми из них и подходит к своему искусству непредвзято, учитывая все соответствующие факторы и возможности, другими словами, действуя мудро. ... Поскольку все методы толкования являются законными и необходимыми, вопрос о предоставлении приоритета любому конкретному методу является вопросом степени и акцента» [21, р. 359].

С учётом этого обстоятельства более продуктивным представляется иное направление поиска особенностей толкования уголовного закона, а именно то, что связано с анализом принципов уголовного права. Специфика толкования

уголовного закона, поскольку она существует, задана выраженной в принципах уголовного права спецификой режима уголовно-правового регулирования, а потому единственно допустимое толкование – это то, что подчинено принципам уголовного права.

Как верно отмечается в литературе, в уголовном праве преобладающую роль играют принципы законности, снисходительности (в нашей традиции – принцип толкования всех сомнений в пользу обвиняемого) и строгого построения (в привычном для нас прочтении – правовой определённости) уголовных законов [15].

Каждый из них (и все они вместе) создают определённую методологию толкования уголовного закона и в то же время предъявляют ряд требований к законодателю в части создания уголовно-правовых запретов, причём как самостоятельных, открытых требований, так и неявных, состоящих, среди прочего, в том, что законодатель при конструировании уголовного закона должен учитывать существующую методологию толкования, понимать и прогнозировать, как именно созданные им нормы могут быть истолкованы судом в процессе правоприменения.

Вытекающие из принципов уголовного права требования к толкованию уголовного закона создают особую методологию его интерпретации. В связи с этим само толкование должно определяться прежде всего правильным пониманием содержания принципов уголовного права. Этот тезис может представляться самоочевидным, хотя, на наш взгляд, он не в полной мере осмыслен наукой, а сама связь толкования и принципов представлена по большей части в качестве интуитивного, нежели аналитического знания.

Проблема многократно осложняется ещё и тем, что принципы уголовного права, определяя содержание уголовного закона и правоприменение, сами по себе детерминируются соображениями более высокого, уголовно-политического порядка и непосредственно связаны с представлениями о целях уголовного права. Игнорирование цели уголовного права при раскрытии содержания принципов грозит серьёзными последствиями. Б. Ристиводжевич, на наш взгляд, убедительно показал, что строгое следование формальным соображениям принципа законности при отказе от телеологии уголовного права создает гораздо больше опасностей для злоупотребления уголовным правом, нежели корректировка самого принципа законности [22].

Вопрос о цели уголовного права всегда интересовал специалистов, и сегодня, в условиях свехкриминализации, растущей пунитивности и репрессивности законодательства, и как следствие, банализации преступлений и девальвации уголовного права, становится особенно актуальным. Традиционная шкала ответов на проблему цели уголовного права располагается в границах следующих представлений: «уголовное право охраняет коллективные интересы от индивидуальных преступных актов» – «уголов-

ное право защищает личность от необоснованного государственного принуждения», «уголовное право обеспечивает всестороннюю защиту коллективных интересов» – «уголовное право обеспечивает субсидиарную, точечную, фрагментарную защиту коллективных интересов». Иногда эти представления позиционируются как исключительно противоположные друг другу, иногда подчёркивается их диалектическое единство. Но вполне очевидно, что каждое из этих представлений задаёт свой, весьма специфический фон для толкования уголовного закона, прямо влияя на его результаты, причём как применительно к конкретной правотолковательной ситуации, так и для общества в целом.

Не углубляясь в анализ телеологии уголовного права, отметим, что в нашем представлении цель его состоит одновременно в масштабной и всесторонней защите прав и свобод человека от любых попыток их необоснованного ограничения государством и точечной защите отдельных коллективных интересов от наиболее опасных деяний. Отсюда – и общий подход к толкованию уголовного закона, которое, будучи в приоритетном порядке буквальным, должно сочетать ограничительное понимание любых правоограничений и широкое понимание любых защит от обвинения в преступлении. «Там, где интерпретатор может выбирать между конструкцией, которая тривиализирует запрет, и конструкцией, которая этого не делает, он должен выбрать последнее» [21, p. 365].

Заключение

Р. Дворкин еще 40 лет назад справедливо отметил, что юридическая практика – это «упражнение в толковании», причём не только в тех ситуациях, когда юристы толкуют конкретные документы или уставы, но и в целом. Закон задуман как глубокий и основательный политический акт, а потому юристы и судьи не могут избежать политики в широком смысле политической теории [23, p. 179].

В настоящий момент этот тезис не только не оспорен, но и стал основой для развития широкой исследовательской программы толкования как особого вида деятельности судов, которая не может быть сведена к стандартным правоприменительным процедурам, но непосредственно связана с разработкой и реализацией судебной политики. При всех существующих успехах в этой сфере научного знания есть как минимум два обстоятельства, которые применительно к проблемам уголовного права детерминируют актуальность исследования вопросов толкования закона: во-первых, связь суда и политики всё ещё остается полем столкновения остро дискуссионных и диаметрально противоположных мировоззренческих позиций, а во-вторых, на этом поле крайне слабо представлены ростки самостоятельной теории толкования уголовного закона.

Обозначив лишь некоторые из проблемных вопросов темы, можно с уверенностью сказать только одно: традиционные подходы к толко-

ванию уголовного закона, основанные на разработке отдельных методов толкования, сегодня являются как минимум устаревшими. Подлинная теория толкования уголовного закона должна базироваться на совокупном учёте двух исходных учений: о роли суда в системе правового

регулирования в контексте принципа разделения властей и о целях уголовно-правового регулирования. Только определившись с этими исходниками, можно создать теорию, концептуализирующую толкование закона в качестве важнейшего компонента судебной уголовной политики.

Список литературы

1. *Kelzen G.* Наука и политика // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 183 – 209 (перевод с английского А. Б. Дидикина и Е. А. Вакаговой по изданию 1951 г.: Kelsen H. Science and Politics // The American Political Science Review. 1951. Vol. XLV. № 3. Pp. 641 – 661). DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kelsen.
2. *Ekins R.* The Nature of Legislative Intent. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 303 p. ISBN: 978-0-19-964699-9.
3. *Skoczeń I.* Implicatures within Legal Language. Law and Philosophy Library. – Vol 127. Krakow: Springer, 2019. – 172 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-12532-5_5.
4. *Яни П. С.* Вопросы толкования уголовного закона // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2012. – № 4. – С. 55–75.
5. *Курылев С. В.* О применении советского закона // Советское государство и право. – 1966. – № 11. – С. 21–29.
6. *Еришов В. В.* «Судебное правотворчество»: pro et contra // Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 7–35. DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.7-35.
7. *Mihai Gh. C.* Fundamentele Dreptului. Argumentare și Interpretare în Drept. – București: Ed. Lumina Lex, 2000. – 383 p.
8. *Craiovan I.* Tratat de Teoria Generală a Dreptului, Editia a IV-a. – București: Ed. Universul Juridic, 2020. – 633 p. ISBN: 978-606-39-0732-6.
9. *Guastini R.* Il Diritto Come Linguaggio. Lezioni. – Torino: Editore, 2006. – 232 p. ISBN: 978-88-3486-402-9.
10. *Herget J. E., Wade I., Bülow O.* Gesetz Und Richteramt: Statutory Law and the Judicial Function // The American Journal of Legal History. – 1995. – Vol. 39. – Iss.1. – pp. 71 – 94. <https://doi.org/10.2307/845751>.
11. *Chayes A.* The Role of the Judge in Public Law Litigation. Harvard Law Review, 1976. – Vol. 89. – Pp. 1281–1316. <https://doi.org/10.2307/1340256>.
12. *Herget J. E., Wallace S.* The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism. Virginia Law Review, 1987. – Vol. 73. – Pp. 399–455. <https://doi.org/10.2307/1073069>.
13. *Ignatescu C.* The Concept of Judicial Interpretation. Postmodern Openings, 2013. – Vol. 4. – Pp. 17–23. DOI: 10.18662/po/2013.0404.03.
14. *Giezek J.* Struktura Przepisu (Normy) Prawa Karnego, 2007. – Pp. 50 – 58. In: Bojarski M. (Ed.). Prawo Karne Materialne. Część Ogólna i Szczegółowa. Warszawa: LexisNexis. – 869 p. ISBN: 978-83-8223-673-6.
15. *Ornowska A.* Introducing Hermeneutic Methods in Criminal Law Interpretation in Europe. – 2010. – Pp. 251–278. In: Jemielniak, J. and Mikłaszewicz P. (Eds). Interpretation of Law in the Global World: From Particularism to a Universal Approach. Springer-Verlag. Berlin, Heidelberg. – 377 p. DOI: 10.1007/978-3-642-04886-9_13.
16. *Щенельков В. Ф.* Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты : монография – Москва: Юрлитинформ, 2003. – 416 с. ISBN 5-93295-078-1.
17. *Herman Sh.* Quot Judices Tot Sententiae: A Study of the English Reaction to Continental Interpretive Techniques. Legal Studies, 1981. – Vol. 1, № 2. – Pp. 165–189. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1748-121X.1981.tb00119.x>.
18. *Liang Genlin* Interpretation of the Application of Criminal Law from the Perspective of a Legally Prescribed Punishment for a Specified Crime. Frontiers of Law in China. – 2007. – Vol. 2, № 3. – Pp. 418–445. DOI: 10.1007/s11463-007-0020-2.
19. *Nita B., Swiatłowski A.* Linguistic Pluralism and Interpretation of European Law in the Third Pillar, Discussed with Reference to the Example of Article 54 of the Convention Implementing the Schengen Agreement. – 2010. – Pp. 231 – 250. In: Jemielniak, J. and Mikłaszewicz P. (eds). Interpretation of Law in the Global World: From Particularism to a Universal Approach. Springer-Verlag. Berlin, Heidelberg. 377 p. DOI: 10.1007/978-3-642-04886-9_12.
20. *Брайнин Я. М.* Уголовный закон и его применение. – Москва: Юридическая литература, 1967. – 240 с.
21. *Kremnitzer M.* Interpretation in Criminal Law. Israel Law Review. –2016. – Vol. 21, № 3-4. – P. 358–387. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021223700009195>.
22. *Рустивојевић Б.* О Поретку Начела у Циљном (Телеолошком) Тумачењу у Кривичном Праву / Зборник Радова Правног Факултета у Новом Саду. – 2012. – № 4. – С. 241 – 256. DOI:10.5937/zrpfns46-3237.
23. *Dworkin R.* Law as Interpretation. Critical Inquiry. – 1982. Vol. 9, № 1. – Pp. 179 – 200. DOI: 10.1086/448194.

References

1. *Kelzen G.* Nauka i politika // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 183 – 209 (perevod s angliyskogo A. B. Didikina i Ye. A. Vakatovoy po izdaniyu 1951 g.: Kelsen H. Science and Politics // The American Political Science Review. 1951. Vol. XLV. № 3. Pp. 641 – 661). DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kelsen.

2. *Ekins R.* The Nature of Legislative Intent. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 303 p. ISBN: 978-0-19-964699-9.
3. *Skoczzeń I.* Implicatures within Legal Language. Law and Philosophy Library. – Vol 127. Krakow: Springer, 2019. – 172 p. https://doi.org/10.1007/978-3-030-12532-5_5.
4. *Yani P. S.* Voprosy tolkovaniya ugolovnogo zakona // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo. – 2012. – № 4. – S. 55–75.
5. *Kurylev S. V.* O primeneniі sovetskogo zakona // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1966. – № 11. – S. 21–29.
6. *Yershov V. V.* «Sudebnoye pravotvorchestvo»: pro et contra // Pravosudiye. – 2020. – T. 2. – № 1. – S. 7–35. DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.1.7-35.
7. *Mihai Gh. C.* Fundamentele Dreptului. Argumentare și Interpretare în Drept. – București: Ed. Lumina Lex, 2000. – 383 p.
8. *Craiovan I.* Tratat de Teoria Generală a Dreptului, Editia a IV-a. – București: Ed. Universul Juridic, 2020. – 633 p. ISBN: 978-606-39-0732-6.
9. *Guastini R.* Il Diritto Come Linguaggio. Lezioni. – Torino: Editore, 2006. – 232 p. ISBN: 978-88-3486-402-9.
10. *Herget J. E., Wade I., Bülow O.* Gesetz Und Richteramt: Statutory Law and the Judicial Function // The American Journal of Legal History. – 1995. – Vol. 39. – Iss.1. – pp. 71 – 94. <https://doi.org/10.2307/845751>.
11. *Chayes A.* The Role of the Judge in Public Law Litigation. Harvard Law Review, 1976. – Vol. 89. – Pp. 1281–1316. <https://doi.org/10.2307/1340256>.
12. *Herget J. E., Wallace S.* The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism. Virginia Law Review, 1987. – Vol. 73. – Pp. 399–455. <https://doi.org/10.2307/1073069>.
13. *Ignatescu C.* The Concept of Judicial Interpretation. Postmodern Openings, 2013. – Vol. 4. – Pp. 17–23. DOI: 10.18662/po/2013.0404.03.
14. *Giezek J.* Struktura Przepisu (Normy) Prawa Karnego, 2007. – Pp. 50 – 58. In: Bojarski M. (Ed.). Prawo Karne Materialne. Część Ogólna i Szczegółowa. Warszawa: LexisNexis. – 869 p. ISBN: 978-83-8223-673-6.
15. *Ornowska A.* Introducing Hermeneutic Methods in Criminal Law Interpretation in Europe. – 2010. – Pp. 251–278. In: Jemielniak, J. and Mikłaszewicz P. (Eds). Interpretation of Law in the Global World: From Particularism to a Universal Approach. Springer-Verlag. Berlin, Heidelberg. – 377 p. DOI: 10.1007/978-3-642-04886-9_13.
16. *Shchepel'kov V. F.* Ugolovnyy zakon: preodoleniye protivorechiy i nepolnoty : monografiya – Moskva: Yurlitinform, 2003. – 416 s. ISBN 5-93295-078-1.
17. *Herman Sh.* Quot Judices Tot Sententiae: A Study of the English Reaction to Continental Interpretive Techniques. Legal Studies, 1981. – Vol. 1, № 2. – Pp. 165–189. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1748-121X.1981.tb00119.x>.
18. *Liang Genlin* Interpretation of the Application of Criminal Law from the Perspective of a Legally Prescribed Punishment for a Specified Crime. Frontiers of Law in China. – 2007. – Vol. 2, № 3. – Pp. 418–445. DOI: 10.1007/s11463-007-0020-2.
19. *Nita B., Swiatłowski A.* Linguistic Pluralism and Interpretation of European Law in the Third Pillar, Discussed with Reference to the Example of Article 54 of the Convention Implementing the Schengen Agreement. – 2010. – Pp. 231 – 250. In: Jemielniak, J. and Mikłaszewicz P. (eds). Interpretation of Law in the Global World: From Particularism to a Universal Approach. Springer-Verlag. Berlin, Heidelberg. 377 p. DOI: 10.1007/978-3-642-04886-9_12.
20. *Braynin Ya. M.* Ugolovnyy zakon i yego primeneniye. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1967. – 240 s.
21. *Kremnitzer M.* Interpretation in Criminal Law. Israel Law Review. – 2016. – Vol. 21, № 3-4. – P. 358–387. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0021223700009195>.
22. *Ristivojević B.* O Poretku Nachela u Tsillnom (Teleoloshkom) Tumachenju u Krivichnom Pravu / Zbornik Radova Pravnog Fakulteta u Novom Sadu. – 2012. – № 4. – S. 241 – 256. DOI:10.5937/zrpfns46-3237.
23. *Dworkin R.* Law as Interpretation. Critical Inquiry. – 1982. Vol. 9, № 1. – Pp. 179 – 200. DOI: 10.1086/448194.

Статья поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 14.10.2022.

The article was submitted September 08, 2022; approved after reviewing October 11, 2022; accepted for publication October 14, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.